

Рональд Д. Лэинг

“Я” и Другие

Перевод с английского Е. Загородной

R.D. Laing
Self and Others

Москва
Независимая фирма «Класс»

УДК 615.851
ББК 53.57
Л 69

Лэйнг Р.Д.
Л 69 “Я” и Другие / Перевод с англ. Е. Загородной. — М.: Независимая фирма “Класс”, 2002. — 192 с. — (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 98).

ISBN 5-86375-043-X

Эта книга принадлежит к числу самых известных трудов Р.Д. Лэйнга — психоаналитика и психотерапевта, кумира 60-х и 70-х годов, “возмутителя спокойствия”, одного из создателей “антипсихиатрии”. Она посвящена переживаниям взаимоотношений между людьми, месту в этих переживаниях так называемой “системы фантазии”, соотношению фантазии и непосредственного опыта, а также тому, как влияет восприятие окружающих людей на самоидентичность человека и как оно может подорвать его доверие к собственным эмоциональным реакциям и собственному восприятию реальности.

Интереснейшие рассуждения, тонкий анализ произведений Достоевского и Жана Женэ, обращение автора к своему терапевтическому опыту делает книгу удивительным интеллектуальным путешествием. Прежде всего, конечно, для профессионалов в области психологии и психотерапии и студентов соответствующей специализации. Однако немало любопытного и неожиданного найдут здесь и те читатели, которых просто интересует безграничный мир отношений между людьми.

Главный редактор и издатель серии Л.М. Кроль
Научный консультант серии Е.Л. Михайлова

ISBN 0-393-70185-9 (USA)
ISBN 5-86375-036-7 (РФ)

© 2002 Независимая фирма “Класс”, издание, оформление
© 2002 Е. Загородная, перевод на русский язык, предисловие
© 2002 Е.А. Кошмина, дизайн обложки

Исключительное право публикации на русском языке принадлежит издательству “Независимая фирма “Класс”. Выпуск произведения или его фрагментов без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

www.psybooks.ru
Купи книгу “У КРОЛЯ”

ЛЭЙНГ ГОРЕЧИ И КРЕПКОЙ ЗАКВАСКИ

Предисловие переводчика

Психиатр Рональд Лэйнг, шотландец по происхождению, известен у нас в основном как один из лидеров “антипсихиатрии”. В 1960-е годы он безусловно был звездой первой величины “антипсихиатрического” движения, однако сам никогда не называл себя антипсихиатром. Дело здесь, по-видимому, в том отвращении к идеологии, которое он сохранял всю свою жизнь и которое во многом определило направление его работы. Борьба с идеологиями в человеческом мире, с фантазиями, созданными для насилия, и тщетность этой борьбы — вот основная коллизия жизни этой трагической и многозначительной фигуры уходящего века.

Однако давайте по порядку.

Рональд Дэвид Лэйнг родился в 1927 году в Глазго. Он рано начал интересоваться философией, еще в школе прочел Платона, а также Фрейдя, Маркса, Ницше, Кьеркегора. Был музыкально одарен и в 1944 — 1945 гг. избран лицензиатом Королевской академии музыки и членом Королевского музыкального Общества.

В 1945-1951 гг. он изучает медицину в университете Глазго. Во время учебы подрабатывает санитаром в психиатрическом отделении, и это вдохновляет его специализироваться в психиатрии.

В 1951 году он проходит интернатуру в клинике нейрохирургии и отправляется в армию в качестве офицера Королевского медицинского корпуса. Служит сначала в психиатрическом подразделении Британской армии, а затем в военном госпитале в Каттерике.

Говорят, что, будучи военным психиатром, он предпочитал общество своих пациентов обществу армейских коллег. Здесь он впервые приходит к убеждению, что “галлюцинаторно-бредовое” поведение может в конце концов стать целительным, если позволить ему протекать своим чередом, не пытаясь подавить его лекарствами или шоковой терапией.

В 1953 г. Лэйнг публикует первую статью в Журнале Королевского медицинского корпуса под названием “Один случай синдрома Ганзера”. В это же время уходит из армии и в течение трех лет проходит практику в Королевской психиатрической больнице Гартнавел в Глазго. Здесь он вводит лечебное новшество — “шумную комнату”, где пациенты-шизофреники и персонал, и те и другие в обычной одежде, проводят время в общении и приятных для себя занятиях. Идея заключалась в том, чтобы избавиться от официальной, заданной ситуации и приблизиться к обстановке реальной жизни. Новшество принесло успех. Надо сказать, что удивительный успех всегда сопутствовал Лэйнгу в его терапевтической практике.

По всей видимости, он уже тогда нашел родственные себе по духу концепции в философии и определился в философских взглядах.

В 1956 г. Лэйнг приступает к созданию книги “Разделенное “Я”*, которую он начинает с определения “экзистенциально-феноменологического основания науки о личности” и “экзистенциально-феноменологического понимания психоза”. Здесь он вводит понятие переживания**, ведущее в его концептуальном аппарате. Поскольку переживание является, по сути, единственной реальностью, которой мы располагаем, то, изучая личность, мы должны рассматривать ситуацию с точки зрения переживания этой личности, не забывая, что единственное наше орудие и средство — это наше переживание, сопереживание, сочувствие и “даже вчувствование”. Поведение психотика может казаться непонятным, но только до тех пор, пока нам не откроется его переживание, которое может быть странным и пугающим. Однако не нужно его отбрасывать как полностью нереальное. Даже если психотик чувствует, что он мертв, экзистенциально для него это так. Экзистенциально — это не значит символически, метафорически и т.п. Во сне, например, мы переживаем, что мы летаем, и это безусловно нельзя назвать ни символом, ни метафорой. В отличие от простой и наивной уверенности в том, что пациент галлюцинирует, а мы видим мир таким, какой он есть, Лэйнг предлагает не забывать, что все мы спим в той или иной степени, а кроме индивидуальных иллюзий бывают всеобщие или разделяемые. Большинство не всегда право, поиск истины неизменно требует риска, и мы должны помнить это, если имеем дело с другими людьми.

Лэйнг вводит понятие “онтологической незащищенности”, на основе которого строит модель шизофрении как попытки сохранить слишком хрупкое, неустойчивое, неопределенное “Я” за счет внутреннего раскола и создания так называемого “внешнего” фальшивого (или ложного) “Я”. Внутреннее “Я” при этом изолируется от мира, от тела индивидуума, “развоплощается”, становится все более призрачным и пустым и, в конце концов, оказывается на краю гибели. Психотический приступ, таким образом, рассматривается как своего рода прорыв, выход на поверхность этого внутреннего гниения заживо. Подобный прорыв, как считает Лэйнг, есть акт отчаяния: “Понимать отчаяние — значит понимать, что такое шизофрения”.

В конце 1956 г. Лэйнг начинает работать в клинике Тэвистокского института человеческих отношений в Лондоне и изучает психоанализ. Он ищет социальные корреляты шизофрении. В 1958 г. совместно с Аароном Эстерсоном Лэйнг предпринимает исследование семей шизофреников, результаты которого были опубликованы в работе “Психическое здоровье, безумие и семья”.

Начиная с этого исследования, у Лэйнга постепенно складываются концепции “узла” и “системы фантазии”, которые становятся ключевыми в его воззрении на психическое здоровье и безумие. Он начинает рассматривать шизофрению как болезнь человеческого “узла”, а не индивидуума. Что же такое “узел”? Понятие “узла” у Лэйнга удивительно напоминает описание архаического племени, в центре которого находится шаман или жрец и каждый член которого является не автономной единицей, объединившейся с другими автономными единицами, а органом общего тела и общей души. В таких племенах наряду с нормальными членами общества существовали изгои, которые сразу же погибали или становились зомби, неодушевленными людьми, если их вынуждали покинуть племя.

В период формирования концепции “узла” Лэйнг знакомится с антропологом Грегори Бейтсоном, чья теория “двойного предписания” (или “двойной связи” — double bind) была близка Лэйнгу. Эта теория зародилась при исследовании племени Новой Гвинеи. Культура этого племени включала определенные механизмы установления внутреннего равновесия (например, сексуальный трансвестизм в ситуации опасного соперничества), которые совершенно не устраивали западную администрацию и миссионеров.

Бейтсон перенес ситуацию этого племени, которое оказалось между двух огней (угрозы внутреннего хаоса и внешнего истребления) на ситуацию шизофреника в семье. Однако саму семью можно рассматривать как племя, встроившее в свою структуру западную администрацию и миссионеров, но оставшееся столь же первобытным.

Интересно, что результаты исследования Лэйнга и Эстерсона, в частности, показали, что в семьях шизофреников отец часто бывает мягкотелым и подчиненным, а главным авторитетом является холодная и всесильная мать.

В 1960 г. Лэйнг публикует “Разделенное “Я””. Книга имела прекрасные отзывы, но поначалу не стала бестселлером. В этом же году Лэйнг получает квалификацию психоаналитика и открывает частную практику в Лондоне.

Начинаясь 1960-е годы, бурное десятилетие всеобщего порыва к свободе, революционных настроений, волнений среди молодежи и студентов, начала массовых экспериментов с веществами, “расширяющими сознание”. К этому времени Лэйнг знакомится с Дэвидом Купером, человеком крайне левых взглядов, неомарксистом, который в 1960-е годы становится одним из его ближайших соратников. В 1967 году именно Купер впервые использует термин “антипсихиатрия”.

В 1962 г. Лэйнг становится главным врачом клиники Лэнхем в Лондоне. Он продолжает развивать концепции “узла”, фантазии и безумия, где на первый план все отчетливее начинает выступать тема насилия. “Узел” — группа людей, объединенная системой общей фантазии. Это фантазия о некоем единстве, о некоем “Мы”, противопоставленном некоему “Они”. “Они” представляют собой угрозу индивидууму, “Мы” — гарантируют безопасность. Таким образом, “узел” — это что-то вроде круговой поруки, где каждый продает свою свободу каждому в обмен на безопасность. “Узел” — система взаимного насилия, существующего ради противостояния внешнему миру. Вдвойне отвратительная связь, как сказал бы Лэйнг.

Шизофрения есть порождение “узла”, это болезнь человеческих отношений, и в этом смысле наклеивание ярлыка “больной” на одного из членов сообщества является социальным, а не медицинским фактом, а социальный факт, в свою очередь, — политическим событием.

На почве такого рода представлений в 1960-е годы возникает “антипсихиатрическое” движение. Его ключевая идея состоит в том, что психическая болезнь является мифом. “Миф психического заболевания” — именно так называется работа одного из главных представителей “антипсихиатрии” Томаса Заца. Болезнь есть физическое понятие, а потому не может распространяться на психические расстройства, при которых не наблюдается никакой физической патологии.

Психиатрия — система насилия, которую государство и общество используют для устранения или переделки нестандартных винтиков общественной машины.

В 1960-е годы Лэйнг публикует ряд книг: “Я” и другие” (1961), “Политика опыта и Райская Птица” (1964)*, “Разум и насилие — десятилетие философии Сартра” совместно с Д. Купером (1964), переиздание “Разделенного “Я” (1965). Все они немедленно раскупаются. Тексты Лэйнга не совсем обычны. Они представляют собой соединение фрагментов научного и философского анализа, художественного текста, диалогов, разборов клинических случаев и отрывков из стихов и прозы разных авторов. Чтобы передать свое понимание мира безумия, он обращается и к логике, и к интуиции, и к эстетическому чутью, и к сердцу, то есть к целому человеку. Он пытается ввести человека в этот мир, показать его жизнь и блестяще решает эту задачу. Собственно психотерапевтическим методам и приемам здесь уделяется скромное место. Лэйнг никогда не любил писать о терапии, считая, что это бессмысленное занятие: одна неверно прочитанная интонация — и весь смысл может быть понят прямо противоположным образом. И все же главная функция терапии — обеспечить обстановку, в которой как можно меньше будет затруднена способность человека к раскрытию своего “Я”. Основное условие успеха — способность терапевта “не позволить себе вступить в “сговор” с пациентами и занять место в их системе фантазии; и наоборот, не использовать пациентов для воплощения какой-либо собственной фантазии”.

С середины 1960-х годов Лэйнг начинает появляться в популярной печати и на Британском телевидении, из простого психиатра он превращается в модную общественную фигуру, кумира британской молодежи. В 1967 г. он участвует в конгрессе, призванном объединить политиков левого крыла и представителей психоанализа, где произносит речь под названием “Очевидное”, позже опубликованную в сборнике материалов конгресса.

Лэйнг не предлагал уничтожить психиатров как класс, тем более, что сам он считал себя психиатром и психотерапевтом, однако он предпринял попытку создания радикально иной системы помощи душевнобольным. В 1965 г. в сотрудничестве с Аароном Эстерсоном и Дэвидом Купером он создает Кингсли Холл — экспериментальную общину для шизофреников. В основе идеи создания знаменитого “антигоспиталя” лежал опыт “шумной комнаты” Лэйнга, сообщества шизофреников и терапевтов “Вилла 21” Купера и киббуца для шизофреников в Израиле, который изучал Эстерсон. В Кингсли Холл вместе жили врачи и больные, впрочем, в их отношениях не должно было быть никакой иерархии, а потому никаких “врачей” и “больных”. Здесь шизофреникам предоставлялась возможность “пройти” через свой психоз, без подавления его лекарствами, шоковой терапией и т.п. средствами, при дружеской поддержке и опеке всей общины.

В 1960-е годы разработка представлений о психозе шла рука об руку с исследованием состояний, вызванных психоделическими веществами. Кроме того, тогда же одна за другой стали появляться книги воспоминаний людей, переживших психотический приступ. Такие понятия, как “путешествие” (trip), “опыт” (experience), “проводник” (guide), становятся ключевыми понятиями нового концептуального аппарата. На месте отсеченной головы старой идеологии, старой системы фантазии (рационалистической, психиатрической и т.п.) начинает вырастать новая (психоделическая, антипсихиатрическая, идеология “расширения сознания” и т.п.). С одним из главных идеологов, Тимоти Лири, Лэйнг встретился в 1964 г. в Нью-Йорке.

В те годы Лэйнг пишет о психотическом приступе как о путешествии по некоему внутреннему пространству, в которое человек попадает, когда выходит из внешнего социального пространства.

Совершив это путешествие, психотик, при благоприятном исходе, возвращается обратно, испытав экзистенциальное перерождение. Роль врача заменяется ролью проводника, умеющего ориентироваться во внутреннем пространстве. “Это должен быть человек, который сам прошел через это и которому ты доверяешь”, — писал Лэйнг. В Кингсли Холл бывшие “больные” часто становились проводниками для новичков.

Утопическая община просуществовала пять лет и в 1970 г. распалась, оставив, впрочем, после себя сеть дочерних сообществ, с которыми Лэйнг продолжал поддерживать связь до конца жизни. Коллеги обвиняли Лэйнга в недостатке серьезности и последовательности. Победивший революционер становится диктатором. Разрушитель системы фантазии неминуемо оказывается во главе новой, еще более жестокой. Лэйнг уходит, он ищет выход из тупика. С начала 1970-х годов он также перестает писать о психопатологии, опасаясь, что его идеи и методы могут быть использованы в тоталитарных целях. В экзистенциальном плане он, по сути, повторяет судьбу своих пациентов. Занятия терапией оборачиваются духовной проблемой.

В 1971 г. Лэйнг с семьей отправляется на Цейлон, где проводит два месяца, изучая медитацию в буддистской школе. Затем они перебираются в Индию, где Лэйнг изучает индуистскую аскетику и получает посвящение в культ индуистской богини Кали. Он изучает также санскрит и посещает буддистского ламу Говинда, который был гуру Тимоти Лири. В те годы многие деятели “революции

шестидесятых” искали свой путь в буддизме. Буддизм — своего рода обратная сторона бунта против общества, попытка неукротенного “Я” совершить последний акт протеста, отказываясь от самого себя, преодолеть разрушительность личной воли через отказ от воли и от самой личности. Воля, направленная на уничтожение воли. Логика этого пути — экзистенциальный суицид. Самое поразительное, что все это Лэйнг описал еще в начале 1960-х годов в книгах, посвященных фантазии и шизофрении: “... Может наступить время, когда мы станем утверждать, что осознали: мы играли роль, притворялись перед самими собой, пытались убедить себя в том-то и том-то, но теперь мы должны признать, что нам это не удалось. И все же это осознание или признание легко может стать еще одной попыткой “выиграть” с помощью предельного притворства, еще раз изображая последнюю правду о себе самом, и таким образом уклониться от ее простого, честного, действительного понимания. Один из вариантов подобной “игры” — это упорное стремление сделать притворное реальным” (“Я” и другие”, 1961). И чуть позже: “Необходимо осознать, что ты в ловушке, и в каком-то смысле принять это, а не заниматься саморазрушением” (“Политика опыта”, 1964).

Через год Лэйнг возвращается в Лондон, а в конце 1972 г. совершает лекционный тур по Соединенным Штатам. В дальнейшем он также полагается на живое общение — лекции, семинары и т.п., предпочитая его тексту, в большей мере подверженному произвольному толкованию. В Соединенных Штатах Лэйнг встречается с Элизабет Фехр, психотерапевтом, использующим в своей практике “ребефинг-психодраму”, то есть психодраматическую процедуру нового рождения. Лэйнг перенимает у нее эту технику и в 1973 г. начинает проводить регулярные сеансы “ребефинга”. В основе различных вариантов “ребефинга” лежит давно известная гипнотизерам, а еще раньше жрецам и шаманам, идея о том, что в измененном (не бодрствующем) состоянии сознания возможно до некоторой степени перекомпоновать психическую структуру человека. Другими словами, убрать некоторые симптомы, заменить их другими и т.п. Здесь есть также созвучие с мировоззрением буддизма: несущественность личного начала в человеке, сведение всего к игре, условности, смене масок. Мир безумен, говорит Лэйнг, а потому незачем ломать копыя.

Вспоминается эпизод, который произошел на одной из его последних лекций в Калифорнии. В городе, где он читал лекцию, была известная всем городская сумасшедшая. Время от времени, когда она устраивала на улице какую-нибудь особенно драматическую сцену, ее забирали в больницу, а потом опять выпускали. Как раз во время чтения лекции произошел очередной эксцесс, и кто-то из слушателей-коллег попросил вместо больницы доставить ее прямо к Лэйнгу. Он уединился с этой женщиной минут на двадцать, затем они вернулись в зал и вместе продолжили чтение лекции. Женщина вела себя совершенно адекватно ситуации. Все происходящее как бы подчеркивало, что читать лекцию о психотерапии не менее безумное занятие, чем кривляться перед прохожими на улице. Или наоборот, кривляться перед прохожими — не более безумно, чем читать лекцию.

В 1970-е годы Лэйнг публикует ряд книг: “Узлы”* (1971) — своего рода драматургию “узловых” отношений, текст, представляющий собой сплошные монологи, диалоги и “внутреннюю речь”, через которые выявляется структура “узла”; “Ты и вправду меня любишь?” (1976), “Факты жизни” (1976), “Разговоры с детьми” или “Разговоры с Адамом и Наташей” (1978).

В 1985 г. выходит его автобиографическая книга “Мудрость, безумие и безрассудство”. В этом же году его портрет появляется в Национальной портретной галерее Шотландии.

Рональд Лэйнг скончался от сердечного приступа во время теннисной партии, отдыхая на французском курорте Сан-Тропез, в августе 1989 г.

Елена Загородная

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ*

Эта книга была подвергнута значительной переработке, но сохранила без изменений свою основу. Она была и остается попыткой увязать опыт и поведение в рамках одной непротиворечивой теории — так, как они сплетены в реальной жизни. Склонность теории расщеплять их не исчезла с того времени, как была написана эта книга. Мне хотелось бы видеть ее стоящей в одном ряду с теми сравнительно немногочисленными попытками последних лет, которые направлены на понимание отношений между людьми на языке личности.

Я надеюсь, что искушенный читатель не будет смущен моим специфически узким использованием термина “фантазия”. Понадобилось бы еще одно исследование, чтобы дать обзор различных способов употребления этого термина в западной мысли, и даже различного его применения внутри самого психоанализа. То, как понятие бессознательной фантазии использовал Фрейд, было критически рассмотрено Лапланшем и Понталисом (1964, 1968).

Для разрешения некоторых недоумений, в которые ставит нас понятие “бессознательная фантазия”, в ход может быть пущена “теория картографирования”. Я недавно в общих чертах описывал, как это может быть сделано (Laing, 1969).

Коротко говоря, если я проецирую элемент x из группы A на элемент y из группы B , и если мы называем операцию проецирования q , то y — это будет образ или подобие x под знаком q . Операция q — это функция, посредством которой y приобретает q -значение x . Джонни — вылитый дедушка. Пучок отношений может быть картографирован на другой пучок отношений, а элементы из одного пучка могут быть картографированы друг на друга. Здесь не место все это разбирать, но, наверное, нужно просто дать указание, что эта формула кажется мне вносящей какую-то ясность в двоякое употребление слова “фантазия”: так называемое “содержание” фантазии и фантазия как “функция”. Как функция фантазия может рассматриваться в качестве операции картографирования, с какого-либо исходного опыта на какой-либо спектр опыта. Мне даже кажется возможным представить картографирование на опыт стремлений (инстинктов), не испытываемых в самих себе, так сказать, так что спектр опыта, картографированный таким образом, приобретает (фантазийное) q -значение; а также представить, что сам человек может не признавать, что этот спектр его опыта приобрел подобное q -значение, обычно называемое бессознательным “содержанием” фантазии.

Р.Д.Л.
Лондон, май 1969

Выход наружу — через дверь.
Почему никто не воспользуется
этим способом?

Конфуций

Часть I

МОДАЛЬНОСТИ
МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОПЫТА

Глава 1

ФАНТАЗИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЕ

Если не вдаваться в тонкости, мы говорим о действиях и переживаниях “в воспоминании”, “во сне”, “в воображении” и “в реальности”. Некоторые психоаналитики полагают, что мы можем также говорить о переживаниях “в бессознательных фантазиях”. Но является ли бессознательная фантазия одной из модальностей опыта? Если да, то с некоторыми оговорками. Если нет, то что она, если не плод воображения?

Психоаналитический тезис может быть сформулирован следующим образом: *невозможно* доказать существование бессознательной фантазии человеку, погруженному в нее. Бессознательная фантазия может быть опознана как фантазия только после того, как человек освободится от нее. Такой способ ее полагания, как, впрочем, и все другие, с трудом поддается проверке на правильность. Ситуацию не улучшает и тот факт, что концепция бессознательной фантазии практически не исследовалась с экзистенциальной и феноменологической точки зрения. И все же ни одно глубокое описание человеческих отношений не может ее игнорировать.

Статья Сьюзен Айзекс (1952) “Природа и функция фантазии” дает удобную отправную точку. Я решил начать с этого варианта психоаналитической теории фантазии, потому что он остается влиятельным и в своем роде непревзойденным, а также потому, что Айзекс, как представляется, рассматривает фантазию в том числе и как *модальность опыта или переживания*.

I

Айзекс заявляет, что ее “в основном интересует определение фантазии”, другими словами, описание набора фактов, которые употребление термина помогает нам идентифицировать, организовать и соотнести с другими значимыми фактами.

Она обобщает свои положения следующим образом:

1. В психоаналитической мысли понятие “фантазии” имеет широкое толкование. Существует необходимость прояснить его и четко задать границы пространства, в котором можно было бы собрать воедино все относящиеся к делу факты.
2. По разработанным здесь представлениям:
 - а) Фантазии составляют первичное содержание бессознательных психических процессов.
 - б) Бессознательные фантазии в первую очередь касаются тела и представляют инстинктивные стремления к объектам.
 - в) Таковые фантазии прежде всего представляют собой психические проявления либидинозных и деструктивных инстинктов. В раннем развитии они, кроме того, используются в качестве защиты, так же как “исполнение желания” и тревога.
 - г) Постулированное Фрейдом “галлюцинаторное исполнение желания”, а также его “первичная идентификация”, “интроекция” и “проекция” являются основой существования фантазий.
 - д) Пройдя через внешний опыт, фантазии становятся развитыми и выразительными, но их существование не зависит от этого опыта.
 - е) Фантазии не зависят от слов, хотя при определенных условиях они могут выражаться в словах.
 - ж) Самые ранние фантазии переживаются как ощущения, позднее они приобретают форму пластических образов и драматических представлений.
 - з) Фантазии имеют как психические, так и телесные следствия, например, конверсия симптомов, телесные качества, характер и личность, невротические симптомы, подавления и сублимации.
 - и) Бессознательные фантазии формируют рабочую связь между инстинктами и эго-механизмом. При детальном исследовании каждая разновидность эго-механизма может быть представлена как возникшая из определенного вида фантазии, которая в конечном счете имеет своим источником инстинктивные импульсы. “Эго есть дифференцированная часть Ид”. “Механизм”

есть обобщенный термин, описывающий определенные психические процессы, которые переживаются субъектом как бессознательные фантазии.

- к) Адаптация к реальности требует опоры в соответствующих бессознательных фантазиях. Наблюдение над тем, как развивается знание о внешнем мире, показывает, какой вклад вносит фантазия ребенка в его обучение.
- л) Бессознательные фантазии в течение всей жизни оказывают постоянное влияние как на нормальных людей, так и на невротиков; различия состоят в особом характере доминирующих фантазий, страстное желание или тревога тесно связаны с ними и их взаимодействием между собой и с внешней реальностью”.

Термин “фантазия” здесь был призван указывать на определенный набор фактов. Какова *сфера обитания* этого набора фактов? Есть ли это факты опыта? Моего опыта? Или твоего опыта? Моего восприятия тебя, но не *твоего* восприятия себя? Может быть, это не факты моего опыта, а факты, выведенные из моего опыта? Выведенные мной обо мне? Или мной о тебе? Находится ли их сфера где-нибудь в переживании “я” и “другого”, или она лежит вне всякого переживания, в системе выводов из него? Фантазии переживаются как драматические представления. Что это значит? Могут ли драматические представления переживаться как фантазия? Чья и кем?

Статья Айзекс главным образом имеет дело с выводами или умозаключениями “я” по поводу “другого”. По моему опыту, “я” не испытывает опыт “другого” непосредственно. Доступные для “я” факты, касающиеся “другого”, — это действия “другого”, переживаемые “я”.

С точки зрения “я”, наблюдающего “другого”, Айзекс заключает из своего переживания действий другого определенные вещи о его переживании.

Взрослый делает выводы о том, что испытывает ребенок. Сам ребенок нам об этом не говорит. Взрослый заключает из поведения ребенка, что переживание ребенком ситуации находится в общем пространстве с переживанием взрослого и что ребенок тем или иным образом по сравнению со взрослым переживает “ту же” ситуацию.

Айзекс подчеркивает: “Наши взгляды на фантазии в раннем возрасте полностью базируются на умозаключениях, но это так для любого возраста. Бессознательные фантазии всегда лишь выводимы, а не наблюдаемы как таковые; техника психоанализа в целом в большой мере базируется на таких умозаключениях”.

Чтобы быть последовательными, у нас, кажется, нет другого выбора, кроме как утверждать, что знание “я” о переживании “другого”, сознательном или бессознательном, независимо от возраста “я” или “другого”, всецело базируется на выводе или умозаключении, как подчеркивает Айзекс абзацем выше по поводу бессознательной фантазии. Согласно Айзекс, фантазии — это “внутренние”, “ментальные” события, только свои собственные фантазии прямо и непосредственно доступны для “я”. “Другой” же может получить о них представление только в результате определенных умозаключений. Мысль о том, что “разум”, “бессознательное” или “фантазия” локализованы внутри человека и в этом смысле недостижимы для другого, имеет далеко идущие последствия для всей психоаналитической теории и практики.

Айзекс, высказываясь не просто о воображении, грезах или мечтах, но о “бессознательной фантазии”, из своей позиции “я”, в паре “я” — “другой”, совершает два рода выводов или умозаключений: она заключает нечто об опыте другого и о том, что это есть нечто, которое этот другой не осознает. По всей видимости, это означает, что существует целая *разновидность* опыта, а также определенное “содержание” опыта, о которых другой, тот, который “обладает” этим вмененным ему опытом, не знает или может не знать ничего. Если исходить из этих посылок, предложенных Айзекс, то подтверждение выводов “я” прямым свидетельством другого не обязательно для принятия этих выводов.

Когда “я” принадлежит аналитику, а “другой” — это анализируемый, тот, кто вещает от “первого лица”, утверждает:

“Личность, установки и интенции, даже внешние характеристики и пол аналитика, *как они видятся и переживаются пациентом внутренне*, меняются день ото дня (и даже от момента к моменту) в соответствии с изменениями во внутренней жизни пациента (привнесены ли они комментариями аналитика или внешними событиями). Можно сказать, что *отношение пациента к аналитику почти всецело является бессознательной фантазией*”.

“Первое лицо” заключает из поведения другого, что поведение другого обладает “смыслом”, к которому другой слеп и в этом отношении другой не может “видеть” или “понимать”, что означают его (другого) действия.

Аналитик затем говорит: “Пациент находится под влиянием “бессознательной фантазии”.

Давайте различим два случая употребления термина “бессознательный”. Во-первых, этот термин может относиться к динамическим структурам, функциям, механизмам, процессам, которые призваны объяснять человеческие действия или переживания. Такие структуры, функции, механизмы или процессы — внешние по отношению к опыту, но используются для “объяснения” опыта, называют ли его сознательным или же бессознательным. Представления этого рода лежат за пределами опыта, но исходной их точкой являются заключения об опыте. Если эти заключения неверны, то все, что основано на них, является полностью ошибочным.

Во втором случае “бессознательный” может означать, что использующий этот термин утверждает, что он или другой не осознает части своего собственного опыта, несмотря на явную абсурдность этого утверждения.

Возникает вопрос: в каком отношении “бессознательная фантазия” находится к опыту в рассуждениях Айзекс? Она вновь и вновь подчеркивает, что бессознательная фантазия есть опыт:

“Механизм — это обобщенный термин, описывающий определенные ментальные процессы, которые *переживаются субъектом как бессознательные фантазии*” (курсив мой — РДЛ).

И:

“Фантазия — это в первую очередь ментальная верхушка, психическое представительство инстинкта. Не существует импульса, инстинктивного побуждения или реакции, *которые не пережились бы как бессознательная фантазия*” (курсив мой — РДЛ).

“На основе тех принципов наблюдения и интерпретации, которые хорошо разработаны психоаналитической практикой и уже были описаны, мы можем сделать вывод, что когда ребенок проявляет стремление к материнской груди, он *переживает* это стремление как специфическую фантазию: “Я хочу сосать сосок”. Если желание очень интенсивно (предположим, за счет тревоги), он чувствует нечто вроде: “Я хочу проглотить ее целиком”.

Для Айзекс бессознательная фантазия есть способ переживания наших страстей, который действует на протяжении всей нашей жизни в отношениях между нами и другими людьми.

II

Есть ли противоречие внутри термина “бессознательный опыт”? Опыт человека включает в себя все, по поводу чего “он” или “некая часть его” отдает себе отчет, неважно, осознает ли “он” или каждая из его частей каждый уровень его осознания. Опыт его является внутренним или внешним; касающимся его собственного тела или тела другого человека; реальным или нереальным; частным или общим с кем-то еще. Психоаналитическое содержание заключается в том, что наши желания открывают себя в нашем опыте, но мы не можем распознать их. Это единственный смысл, в котором мы бессознательны по отношению к нашему опыту. Мы неправильно истолковываем его.

Но даже если мы найдем некую формулу для того, чтобы исключить использование “бессознательного”, чтобы квалифицировать опыт непосредственно, существуют некоторые моменты в статье Айзекс, являющие собой то, что кажется практически неразрешимым. Они проходят через все представления Айзекс и через всю психоаналитическую теорию в целом.

Вот их кристаллизация в следующем пассаже:

“В сопоставлении с внешней и телесной реальностями фантазия, как и любая другая ментальная деятельность, есть вымысел, так как ее нельзя потрогать, повертеть в руках или увидеть; однако при этом она является реальной в переживании субъекта. Это есть существующая на самом деле психическая функция, и у нее есть реальные следствия не только во внутреннем мире психического, но также и во внешнем мире телесного развития и поведения субъекта, а следовательно, психического и телесного других людей”.

Фантазия “реальна в переживании субъекта”. Она также является “вымыслом, *так как ее нельзя потрогать руками и увидеть*”. Понятие указывает одновременно на “реальный” опыт, относительно которого субъект бессознателен, и ментальную функцию, которая обладает “реальными” следствиями. Эти реальные следствия есть реальный опыт. Фантазия представляется теперь *причиной* самой себя, как следствие, и следствием самой себя, как причина. Возможно, здесь мы оказываемся на пороге прозрения, ускользавшего от нас благодаря той путанице, в которую завели нас некоторые наши теоретические различия.

Один из источников неразберихи — это особая дихотомическая схема, в форму которой отлита вся теория в целом. Эта особая схема порождает разделение между “внутренним миром психического”, с одной стороны,

и “внешним миром телесного развития и поведения субъекта, а следовательно, психического и телесного других людей”, с другой.

Это противопоставление производит, как в статье Айзекс, так и во многих психоаналитических работах, два находящихся в оппозиции друг к другу пучка понятий:

<i>внутренний</i>	в противоположность	<i>внешнему</i>
<i>ментальный</i>	в противоположность	<i>физическому</i>
<i>ментальная</i>	в противоположность	<i>внешней и телесной деятельности</i>
<i>вымысел</i>	в противоположность тому,	<i>что можно потрогать</i>
		<i>руками и увидеть</i>
<i>психическая</i>	в противоположность	<i>физической</i>
<i>реальность</i>		<i>реальности</i>
<i>внутренний мир</i>	в противоположность	<i>внешнему миру</i>
<i>психического</i>		<i>телесного развития</i>
		<i>субъекта, а следова-</i>
		<i>тельно, психического</i>
		<i>и телесного других</i>
		<i>людей</i>
<i>ум</i>	в противоположность	<i>телу</i>

В рамках этого набора различий мы должны полагать, что фантазия начинается в левой части, как внутренняя ментальная деятельность и т.д., и переходит каким-то образом в правую часть. Несмотря на странность ситуации, в которой мы при этом оказываемся, нам придется предположить, что *переживание* фантазии происходит только в правой части. Ведь нам было сказано, что она переживается в рамках внешней и телесной реальности, как собственного тела, так и тел других людей.

Понятия, подобные конверсии, — сдвиг от психического к телесному; проекции — сдвиг от внутреннего к внешнему, интроекции — сдвиг от внешнего к внутреннему, — сидят между двух стульев над бездной этого теоретического разлома. Вместо описания фактов опыта они используются для объяснения артефактов теории. Двойные ряды, а тем более эти перемещения между ними не принадлежат к тому набору фактов, который Айзекс намеревается описывать. Случается, что человек переживает себя в терминах этого набора противопоставлений. Он “чувствует”, что его “ум” содержит в себе “содержания”, он заявляет, что его “тело” является “внешним” по отношению к его “уму”. Как бы странно это ни звучало, но мы допускаем, что он не лжет и тщательно выбирает выражения. Однако совсем другое дело — брать подобную форму расщепления “я” в качестве своего теоретического отправного пункта.

Фантазию также можно *вообразить* происходящей “в уме”. Но позволительно спросить, почему мы должны мыслить ее таким образом, без того, чтобы не попробовать покончить с самой воображаемой проблемой.

Если с самого начала не принимать такую дихотомию внутренне-ментального и внешне-физического или же отказаться от нее, то становятся видны другие проблемы. Это не *те же самые* проблемы, облеченные в другие слова. Истинная проблема состоит в том, чтобы позволить проблемам возникнуть. А они смогут возникнуть, когда феномен¹ не будет больше замаскирован ложными проблемами.

III

Метапсихология должна начинаться с опыта, но редко бывает понятно, с чьего опыта и какого опыта.

Психоаналитики часто применяют термин “реальность” к тому, что делает опыт проверяемым. Но он используется и в других самых разных случаях и может относиться, например, (1) к тому, что дает опыту повод возникнуть; (2) к специфическому качеству, которым обладает некоторый опыт и не обладают другие; и уж совсем некорректно — (3) ко всему, что обладает “общепринятым смыслом” или принимается за таковое психоаналитиком. Реальность как таковая оказывается помещенной в анклав “психической” реальности, “физической” реальности, “внутренней” реальности, “внешней” реальности, “субъективной” реальности, “объективной” реальности.

Полезно было бы различить *качество* и *модальность* опыта. Сон есть модальность опыта, которую бодрствующий человек отличает от бодрствующего восприятия по ряду критериев. Сон, воображение и бодрствующее восприятие — различные модальности опыта. “Реальность” во втором смысле из

перечисленных выше может быть качеством, привязанным в том или ином случае к любой из этих модальностей.

“Внутренняя” и “внешняя” могут использоваться для отсылки к “реальности” в первом смысле. О “внутренней реальности” может говориться, что она дала толчок внешнему опыту (или внутреннему опыту), а также наоборот. В каждом случае “реальность”, которая порождает опыт, может расцениваться как “внутренняя” или “внешняя” по отношению к предполагаемой границе “я” или “другого”. “Внутреннее” иногда является синонимом “психического” или “субъективного” в противоположность “внешнему”, “физическому” или “объективному”. “Внутреннее” и “внешнее” могут также использоваться для различения между сном и бодрствованием или “воображаемыми” и “реальными” событиями, где разница заключается в модальностях опыта.

“Ум” часто используют для обозначения реальности, внешней по отношению к опыту, из которой опыт происходит. Так, Джек допускает, что Джилл испытывает странные телесные ощущения, но считает, что они происходят “от головы”. Это “психогенные” ощущения, а Джилл — “истеричка”. Если тело относится, как у Айзекс, к “внешней реальности”, “внешней” по отношению к “уму”, — то Джек извлекает на свет Божий “конверсию” для того, чтобы объяснить, как “событие” “в уме” Джилл переживается ею не “в уме”, а “в теле” и, соответственно, “во внешней” или “физической” “реальности”².

Используемые таким образом понятия конверсии, проекции, интроекции и им подобные не *описывают* того, что действительно происходит в чем бы то ни было опыте. Как “механизмы”, призванные быть “объяснением” переживания, они не могут ничего сообщить о самом переживании, которое они должны “объяснять”. Как механизмы, обслуживающие перевозки между внутренней и внешней реальностями, они работают в пространстве между различениями, рассмотренными нами выше, — физическим и психическим, внутренним и внешним, умом и телом. При таком употреблении они ничего не описывают, ничего не объясняют и сами по себе необъяснимы. Телесное переживание называется “ментальным событием”, но “внешним по отношению к уму”. Для объяснения самой себя теория начинает с нефеноменологических постулатов, маскирующихся под атрибуции опыта, и делает виток к постулатам, призванным “объяснять”, как то, что находится “в уме”, переживается “вне ума”, “в теле”.

Джек приписывает Джилл опыт, а также приписывает ей его бессознательность. Джилл соглашается, что она ничего не знает о нем. С точки зрения *метапсихологии*, Джек теперь пытается “объяснить” не столько ту конструкцию, которую он построил из данных, непосредственно доступных ему, но скорее свое собственное толкование того, что никогда не было данным. Как только Джек делает вывод, что Джилл “обладает” переживаниями, прошлыми или настоящими, к которым она бессознательна, он делает роковой шаг за пределы своего собственного переживания Джилл, а также за пределы переживания Джилл самой себя или Джека. У Джека нет никакой гарантии, что по ту сторону *своего* опыта и опыта Джилл он не окажется прямым в зазеркалье, в своей собственной проекции.

Мне кажется, большинство взрослых европейцев и североамериканцев подписались бы под следующим утверждением: переживание другого человека не подлежит прямому и непосредственному переживанию “я”. В настоящий момент неважно, является ли это неизбежным, так ли это для каких-либо других мест на планете и было ли это всегда. Но если мы согласны с тем, что ты не можешь испытывать мои переживания, мы признаем, что полагаемся на то, что мы сообщаем друг другу, как на ключи к разгадке того, как и что мы думаем, чувствуем, представляем себе и тому подобное. Все усложняется, если ты говоришь мне, что я *испытываю* что-то, чего я не испытываю. Если только я правильно понимаю, что ты имеешь в виду под бессознательным опытом.

Насколько я знаю, в естественных науках не существует подобного круга теоретических и практических проблем. Ученые-естественники не посягают на то, чтобы делать выводы, каким образом *anima mundi* переживает их вторжение в природный процесс. Но даже этим ученым известно, что люди переживают друг друга. Похоже, лишь некоторые психологи не знают об этом.

Продолжение этой линии — приписывание другому опыту, относительно которого другой бессознателен. Было бы преждевременным говорить об уже существующем систематическом методе исследования пространства взаимного опыта, оставляя в стороне феноменологию самого такого метода.

Мы постоянно приписываем друг другу мотивы, действующие силы, интенции и переживания. Изучение того, кто, что и кому приписывает, а также когда, почему и как приписывает, есть само по себе целая наука. В добавление к этому кругу проблем, способных поглотить без остатка не одну человеческую жизнь, существуют вопросы, обращенные непосредственно к логике достоверного вывода в такого рода предполагаемой науке о том, что творится между человеком и человеком.

Науке о личностных отношениях никак не способствует тот факт, что лишь незначительное число психологов озабочено поиском надежных личностных методов, посредством которых личности и отношения между личностями могли бы изучаться личностями. Многим психологам кажется, что если психология не является отраслью естественных наук, то она вообще не наука.

Здесь следует возразить. Ведь если я хочу узнать тебя, то вряд ли добьюсь успеха, если поведу себя так, как будто бы изучаю морских свинок или крыс. У тебя не возникнет желания раскрыться передо мной. Я могу изучать при этом все что угодно, но я не буду изучать *тебя*, если ты для меня закрыт. Если ты опытный притворщик, то с полным основанием можешь быть уверен, что я не много узнаю о тебе по одному твоему поведению, как бы тщательно и скрупулезно я его ни исследовал. Если кто-либо говорит, что все, что его интересует, — это изучение “простого”, “голового” поведения, то значит, он не занимается изучением личностей. Однако ныне многие психологи, в сущности, полагают, что делать научным путем это и невозможно.

Невозможно взять базовую логику науки о личностных отношениях в качестве производной от логики неличностных наук. Ни одна из естественных дисциплин не требует совершения той особой разновидности вывода, которая необходима в науке о людях.

Один человек, исследующий опыт другого, может непосредственно знать только лишь свое собственное переживание этого другого. Он не может обладать непосредственным знанием о том, что другой испытывает относительно “того же самого” мира. Он не может видеть глазами другого и слышать ушами другого. Единственным настоящим путешествием, как когда-то отметил Пруст, было бы не колесить через сто стран с одной единственной парой глаз, а увидеть одну и ту же страну сотней разных пар глаз. Все, что он “чувствует”, “ощущает”, “чует” относительно другого, есть привязка того вывода, который он делает на основе своего собственного переживания другого, к переживанию другим его самого. Это предполагает, что действия другого, каким-то образом, есть функция переживания другого, как это мне известно по себе самому. Только на основе этого предположения, как бы его ни расценивать, один человек, исходя из своего видения действий другого, может рискнуть сделать заключение о переживании другого.

Заключения, которые один человек делает относительно переживания другого, исходя из своего прямого и непосредственного восприятия действий другого, есть первая категория актов атрибуции³. Ни в какой другой науке нельзя позаимствовать адекватный критерий достоверности такого рода личностных атрибуций.

Слишком многих, если не всех аналитиков выбрасывают обратно вращающиеся двери на пороге царства феноменологии, а вторая попытка прорваться уносит оставшихся прочь от всякой науки. За простой атрибуцией мотива, действующего фактора, интенции, переживаний, которые клиент не признает, громоздятся странные напластования сил, энергий, динамических механизмов, процессов, структур для объяснения “бессознательного”. Психоаналитические представления этого вдвойне химерического порядка включают концепции психических структур, экономии, динамизмов, инстинктов смерти и жизни, интернализированных объектов⁴ и т.д. Они постулированы как упорядочивающие принципы, определяющие или базовые силы, определяющий или базовый опыт, которым, как думает Джек, обладает Джилл, не зная, что она им обладает, как заключил Джек из его переживания поведения Джилл. Между тем, что же *есть* Джеково переживание Джилл, переживание Джилл самой себя или переживание Джилл Джека?

Ситуация, как правило, еще хуже, потому что часто неясно даже, что является опытом, а что нет, и что для объяснения чего предназначено. Воображаемый опыт объясняется процессами, которые сами по себе являются вдвойне воображаемыми.

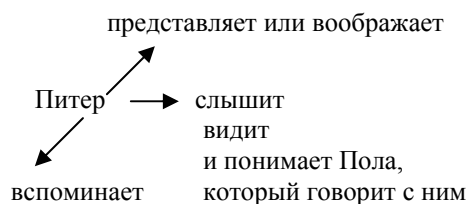
Джилл может соглашаться или нет, что она переживает себя, Джека или ситуацию, или действует таким образом, какой приписывает ей он. Но Джек опережает ее. В его заключениях речь часто идет не о том даже, как Джилл видит себя, как Джилл видит Джека или как Джилл видит ситуацию, которую она разделяет с Джеком.

И тем не менее вся психоаналитическая теория опирается на достоверность подобных заключений; и если они неверны, то все, что на них построено, теряет свой *raison d'être*⁵. Я не хочу внушить мысль, что психоанализ *заканчивается* на этом уровне заключения. Я говорю, что до тех пор, пока он там *начинается*, он никогда не сдвинется с мертвой точки.

Я не пользуюсь термином “бессознательный опыт”, поскольку не способен удовлетворительно разрешить для себя противоречие между двумя этими словами. Я понимаю, что затруднение могло бы быть, вероятно, разрешено более тщательным определением того, что такое “бессознательное” и что такое “опыт”, но, избавляясь от этого затруднения, недолго вместе с водой выплеснуть и ребенка.

Опыт, как я намерен употреблять этот термин, не существует без испытывающего. Испытывающий не существует без опыта. Тем не менее одно и то же человеческое существо испытывает разные вещи по-разному, в разное время и даже в одно и то же время.

В какой-то *один* момент Питер находится в обществе Пола

Давайте назовем Питера представляющего — $P_{прд}$,

Питера вспоминающего — $P_{впм}$,

Питера воспринимающего — $P_{впр}$.

Питер в одно время включает в себя $P_{прд}$, $P_{впм}$, $P_{впр}$.

$P_{прд}$ переживает в воображении или представлении;

$P_{впм}$ переживает в памяти;

$P_{впр}$ переживает в восприятии.

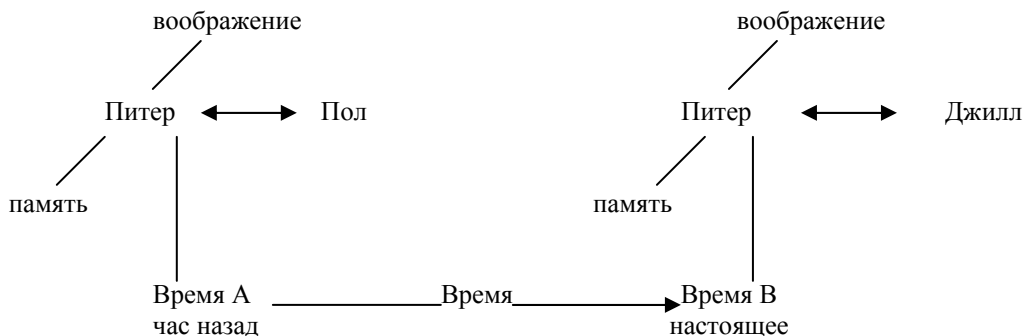
Воображение, память, восприятие есть три модальности опыта.

Полностью весь Питер не находится в коммуникации с Полом.

Часть Питера, коммуницирующая с Полом, может даже не знать о существовании $P_{прд}$ и $P_{впм}$. Часть Питера, коммуницирующая с Полом, может знать, что “он”, $P_{прд}$, нечто представляет себе, но быть при этом не в состоянии сказать, что же именно.

В этом случае я был бы готов сказать, не вдаваясь в тонкости, что Питер расщеплен. Он в данный момент бессознателен относительно своего воображения. Часть Питера, коммуницирующая с Полом, бессознательна к тому, что происходит в его воображении. Питер *недостаточно хорошо коммуницирует с самим собой*.

Часом позже находим Питера с Джилл.

Часть Питера, коммуницирующая с Джилл, может помнить, что когда он был так утомлен этим ужасным разговором с Полом, ее мужем, то представлял себе, каково было бы заняться с ней любовью, когда он смог бы освободиться от Пола, и вспоминал, как они делали это в последний раз. Он может даже помнить, когда он находится с Джилл, что голова его как будто пустеет, когда он находится с Полом; но, как это ни удивительно, теперь, с Джилл, он не способен припомнить, что же Пол говорил ему.

Некоторые люди, похоже, обладают “особым внушением”, так что в их присутствии другие как будто бы обретают способность помнить то, что они так часто забывают, и, представляя себе нечто, как будто бы знают, что они *воображают* и *что* именно они воображают.

Стоит только залатать расщепленность в настоящем, и память *всегда* до какой-то степени открывается. Ибо, начиная осознавать свою память в настоящем, мы вспоминаем, скажем, прошлый раз, когда мы думали об этом, который был, когда мы представляли себе то, когда мы были с тем-то и так далее и тому подобное. Но беда в том, что когда одни двери открываются, закрываются другие.

“Бессознательное” — это то, что нами не сообщается самим себе или кому-нибудь другому. Мы можем каким-то образом передать нечто другому, без того, чтобы сообщить это самим себе. Нечто о Питере, очевидное для Пола, не очевидно для Питера. Это *единственный* смысл фразы “Питер бессознателен к ...”